

Артур Фредекинд (Киев)

**Э. Нольте и вопросы противостояния
большевистского СССР и нацистской Германии:
к постановке проблемы**

Хотелось бы поговорить о книге неоднозначной, книге сложной, книге, требующей серьезного отношения к предмету, – «Европейская гражданская война (1917–1945): Национал-социализм и большевизм» Эрнста Нольте. Издательство «Логос» в Москве издало эту книгу небольшим тиражом, и есть необходимость рассмотреть постулаты Э. Нольте.

Известно, что эту книгу, как и автора, некоторые историки рассматривают чуть ли не как ревизиониста Холокоста. Однако, на мой взгляд, «спор историков» (Historikerstreit), начавшийся в 1980-х в Западной Германии, состоялся и продолжается не только вокруг столь простой дихотомии, как – «память Холокоста» и «отрицание Холокоста». Дело не просто в том, что трагедия Холокоста стала «центральным нервом» современной западной цивилизации. Не следует превращать Катастрофу в идеологию или веру, но изучение и преподавание Холокоста необходимо для размывания «вечного» (как считали нацисты) противостояния народов и для большего понимания различных народов и религий. Если же использовать Холокост для нагнетания ненависти и для создания стен, то подобное есть риторика нацистов, и тогда Гитлер побеждает. То, что в немецком споре историков иногда раздаются ревизионистские нотки, – печально.

Так, высказывание Э. Нольте о том, что «юденраты фактически проявляли значительную готовность к коллаборационизму»¹, как будто у

¹ *Нольте* Э. Европейская гражданская война (1917–1945): Национал-социализм

евреев был какой-то выбор, сродни оправданиям О. Олендорфа: «Причина в том – и вы не должны этого забывать, что нас обуял ужас, когда мы узнали, как жили в России группы нашего народа... Например, в деревне фольксдойче Фриденталь не осталось ни одного мужчины в возрасте между 10 и 70 годами, которого не убрали бы большевики в продолжении трех акций 1921–22, 1933 и 1936–37 гг.»² На самом деле немецкому обществу было известно о том, что происходило в большевистской России, и именно нацисты много кричали об этом, но во время переговоров с Молотовым ни словом не обмолвились о защите прав фольксдойче. Более того, было известно и о переселении фольксдойче в Сибирь и Казахстан еще в 1939–1940 гг. Разумеется, не понятна связь между большевистским режимом и поголовным уничтожением еврейских местечек. Проблема же юденратов и тех отдельных проявлений психологических срывов, которые известны на примере Лодзи или Терезиенштадта, – это проблемы отнюдь не коллаборационизма, а попытки найти выход из абсолютно безвыходного положения, в которое евреев поставили нацисты.

Однако мы знаем, что спор на самом деле ведется давно – со времен появления книги Х. Арендт «Истоки тоталитаризма»³, а затем и «Эйхман в Иерусалиме»⁴. Х. Арендт – еврейка, и не она одна начала сравнения тоталитарных режимов Ленина–Сталина и Гитлера. Желание же всегда и всюду видеть в антикоммунистах антисемитов является старой болезнью «левых». Однако существует и реальная проблема – там, где антикоммунисты, слишком часто возникают антиеврейские настроения. Кроме того, антикоммунисты времен нацизма также слишком часто становились коллаборационистами или, во всяком случае, закрывали глаза на уничтожение евреев.

Кроме того, закрытие архивов в России, при одновременном открытии их на Западе, показывает истинное лицо некоторых «защитников уникальности Холокоста» (при всяком удобном случае защищающих И. Сталина и яростно нападающих на национальные силы всех стран, кроме Израиля). Вообще бросается в глаза странный подход к истори-

лизм и большевизм. – М., 2003. – С. 23. Нем. издание: *Nolte E. Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus.* – Frankfurt a. M., 1987.

² *Нольте Э.* Указ. соч. – С. 502.

³ *Arendt H. The Origins of totalitarianism.* – N.Y., 1951. Укр. издание: *Арендт Х. Джерела тоталітаризму / Пер. з англ.* – К.: Дух і літера, 2002. – 539 с.

⁴ *Arendt H. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil.* – N.Y., 1963.

ческим событиям, когда часто в израильских учебниках критикуются союзники, так и не разбомбившие подъездные пути к Освенциму, но ни разу не упоминается Москва, которой это было сделать легче. Так же, как многие историки, привычно обвиняющие нацистскую Германию и немцев, ни словом не упоминают о ее союзнике – СССР с 1939 по 1941 г.

Поиски исторической истины трудно вести в подобных условиях. К тому же, когда постмодернистские философы стараются как можно остроумнее осмеять подобный поиск. В самом деле – не существует замороженной раз и навсегда истины в науке. Однако существует вечно действующая совесть человека, который, побывав в Аушвице, не может не вспомнить о Кольме и Магадане. Просто не может не вспомнить. Историки же, которые пытаются освободиться от совести и сострадания, вообще, на мой взгляд, представляют определенную опасность для общества. Историки, которые желают стать (и становятся) «солдатами» определенных политических групп, превращаются, в конце концов, в подстрекателей к ненависти и в проповедников «борьбы цивилизаций».

Необходимо вернуться назад и сказать несколько слов о «споре историков» в Западной Германии 80-х годов. Российский историк С. Земляной написал отличную статью на эту интересную тему. В 1980-е годы Э. Нольте (в нескольких статьях и работах) уже обосновал главную идею своего подхода – уйти от мифологизации Третьего рейха. Он считал концепции тоталитаризма (которые, на мой взгляд, напротив, дают ответы на многие вопросы) «голыми общими местами»⁵. «Негативная жизненность известного исторического феномена представляет для науки... смертельную угрозу. Ведь перманентная негативная или позитивная жизненность неизбежно имеет характер мифа..., а именно в силу того... она может стать идеологией»⁶. Нольте здесь подменяет понятия, он даже говорит о «холокосте на море», учиненном во время вьетнамской войны коммунистами. Заметим, что сам Нольте соглашается с беспрецедентностью Холокоста, а следовательно, и с беспрецедентным характером изучения его истории.

Ю. Хабермас в 1986 г. раскритиковал идеи Нольте. Особенно он подчеркнул, что у Нольте «Аушвиц съезживается до формата технического нововведения»⁷. Когда Нольте использует тезис Д. Ирвинга о том, что Х. Вейцман первым объявил войну Гитлеру, становится не по себе, осо-

⁵ Нольте Э. Указ. соч. – С. 514.

⁶ Там же. – С. 517.

⁷ Там же. – С. 518.

бенно в свете заявлений самого Нольте о том, что «респектабельная наука не может допускать антисемитизма»⁸.

Историк Иоахим Фест критиковал Хабермаса в 1986 г., а с ним некий конформизм части немецких интеллектуалов, которых не интересует научная истина. Фест, разбирая массовый террор нацистов и большевиков, подчеркивает: «В обоих случаях [для индивида, принадлежащего к уничтожаемым. – А.Ф.] не было возможности оправдания или доказательства невинности, поскольку дело состояло не в вине или невиновности, а в самом факте принадлежности. Здесь – к классу, там – к расе»⁹. Нужно сказать о преувеличении Феста – несмотря на многочисленные убийства детей и женщин большевиками, невозможно говорить о том, что уничтожали только за происхождение, как это делали нацисты. И. Фест отвергает и распространенный тезис о «культурности немецкой нации», видя здесь вывернутую наизнанку идею о «господствующих народах». Я бы не соглашался с этим тезисом, ибо факт остается фактом – неграмотная в своей массе Россия и технически и культурно развитая Германия существенно отличались. И. Фест очень верно указывает на погром 1946 г. в Кельце, который расширяет рамки обвинений только немецкого нацизма в Холокосте.

Поддержавший Нольте Андреас Хильгубер предположил, что союзники все равно подвергли бы Дрезден и Гамбург тем известным масштабным бомбардировкам, даже если бы они не знали об Аушвице.

Рудольф Аугштейн (издатель журнала «Шпигель») перевел спор в политическое русло и прямо обвинил Нольте и Хильгубера в пронацистских симпатиях. Он заявил: «Известно..., что примерно миллион человек, говоривших на немецком языке, прямо занимались уничтожением евреев»¹⁰. Аугштейн говорит об антисемитской политике Сталина, однако он не видит причин видеть в «пруско-германском вермахте» отражение большевизма.

Наконец в том же 1986 г. Э. Нольте выступил со статьей, где оправдывался и расшифровал многие из ложно понятых тезисов. Важно в нашем контексте: «Аушвиц не является прямым ответом на Архипелаг ГУЛАГ... Только идиот может сегодня подхватывать речь о “еврейском большевизме”»¹¹. Нольте подчеркнул, что он говорил о «негативном

⁸ Там же. – С. 502.

⁹ Там же. – С. 518.

¹⁰ Там же. – С. 519.

¹¹ Там же.

мифе абсолютного зла»¹², который, безусловно, пагубен для науки, если подчеркивать именно его абсолютность.

Итоги спора временно подвел Ю. Хабермас. Он напомнил о том, что можно назвать со-ответственностью. О необходимости немцам хранить не только в головах воспоминания о людях, замученных немецкими руками. Речь не идет о коллективной юридической ответственности. Речь идет об ответственности культурной, которая должна проходить «через фильтр нацистского прошлого»¹³.

Каким фильтром могли бы пользоваться мы в контексте Холокоста украинских евреев, в контексте гибели украинских крестьян во времена Голодомора, в контексте бессмысленной грандиозности ГУЛАГа?

Вернемся к Э. Нольте. Основной идеей книги является взгляд на историю Европы, в центр которого ставятся «оба главных антагониста: большевизм, уже с 1917 года ставший государством, и фашизм, который стал государством в 1933 году»¹⁴. При этом странным представляется выражение автора «захват власти национал-социалистами»¹⁵, когда известно, что это была юридически вполне законная победа на выборах.

Некоторые моменты книги носят явно провокационный характер. Например, подобное утверждение: «Молодое поколение в Израиле... задавало весьма критические вопросы: разве не способствовало поведению обеспеченных слоев еврейства тому, что миллионы жертв дали отвести себя, “как овец на бойню”?»¹⁶ Давно уже развенчана легенда об «овцах», да и каким образом «поведение» некоего банкира еврейского происхождения может «способствовать» нацистскому террору? Мне кажется, здесь проявляется нечто связанное с немецким понятием *Gemeindheit* – нечто из разряда пошлости, но идущей всегда от общины, от «простого народа». То есть – некое желание оправдать антисемитизм тем или иным поведением «представителей еврейства» и тем самым «защитить простой народ» от обвинений в дикости. Правдой является то, о чем когда-то написал Н. Бердяев – за В. Ленина русскому народу погромов не устраивали. Поэтому поведение «обеспеченных слоев» не имеет никакого отношения к тому, что миллионы евреев доверяли Европе свои жизни.

¹² Там же. – С. 520.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. – С. 56.

¹⁵ Там же. – С. 69.

¹⁶ Там же. – С. 58.

Кроме того, как пишет российский историк С. Земляной, «книга исходит из предположения, что проникнутое страхом и ненавистью отношение к коммунизму в самом деле было центральной движущей силой эмоций Гитлера и его идеологии»¹⁷ (странный тезис Нольте: «Человек – существо мыслящее, он вынужден создавать себе идеологии и быть поэтому несправедливым»¹⁸). Автор ссылается на работы Леонарда Шапиро, который сравнивал Ленина и Гитлера; на то, что, по мнению В. Кривицкого, В. Антонова-Овсенко, Ф. Боркенау, именно Сталин «уничтожил первоначальное различие между коммунизмом и фашизмом»¹⁹. Все это очень возможно. Но, как мне кажется, нельзя оставлять в стороне патологический антисемитизм Гитлера, который опять-таки возник у него ранее 1917 г., и не имел к коммунизму никакого отношения. Автор приводит антисемитское рассуждение У. Черчилля, как бы в защиту того, что подобное мнение имело право быть. Однако в том и состоит проблема антисемитизма, что даже У. Черчилль купился на удочку этой наивной идеологии, обвиняя евреев в тайном заговоре против человечества.

Странно то, что автор пишет: «...антисемитизм ...отрицал наиболее трудноразрешимое из всех продуктивных различий рассматриваемого общества: мирное существование евреев и “христиан”, мирное существование, поставленное под вопрос и движением сионизма»²⁰. О каком мирном существовании идет речь, понять невозможно. Оно не было постоянно «погромным», если так можно выразиться, но то, что оно никак не было «мирным», абсолютный факт. И при чем здесь сионизм, который был реакцией евреев на национализм Европы?

Показательны в этом смысле новые и интересные факты, приводимые Нольте. В 1933 г. почетный председатель Немецкого национально-го союза евреев (*Der Bund Deutsche-Nationale Jüden*) доктор Макс Науман и председатель Союза немецких раввинов Лео Бек заявляли о том, что они «породнились с Германией» и были недовольны пропагандистской кампанией, направленной против Гитлера в других странах мира. Думаем, что подобные заявления как раз должны бы были успокоить Гитлера и нацистов в их антисемитской истерике.

Нольте подчеркивает, что Гитлер из расистских соображений не оказал серьезной поддержки муфтию Иерусалима, и Субхасу Чандре Бозе,

¹⁷ Там же. – С. 508.

¹⁸ Там же. – С. 71.

¹⁹ Там же. – С. 62.

²⁰ Там же. – С. 421.

который стал после Д. Неру вождем индийцев. Вновь-таки – этот факт демонстрирует, что Гитлером двигал не столько страх перед коммунизмом и какие-либо практические расчеты, сколько обыкновенный расизм, являвшийся производным европейской культуры.

Важно проведенное Нольте сравнение с Россией Баварской республики в Мюнхене. Разумеется, тот «русский террор», который был развязан коммунистами в 1918 г., привел к появлению страхов перед большевизмом. Но думаем, что совершенно адекватной тут была реакция К. Каутского, который считал большевизм признаком «незрелости русских отношений». Э. Нольте поясняет точку зрения Каутского, которая мне кажется верной: «Большевизм – это рецидив антигуманизма и антисоциализма в диком состоянии»²¹.

Факт, который приводит историк, о создании Коминтерном военного аппарата в Германии, а также «специальная военно-политическая организация в качестве отдела кадров для Красной армии»²² в 1924 г. действительно важен в нашем контексте. Страх перед большевизмом вполне естественен в то время. Вместе с тем Нольте сообщает, что к 1930 г. Германия занимала второе место в мире после США по индустриализации. Вполне возможно, что такие бешеные темпы и сыграли свою роль в испуге немцев перед тогдашней «глобализацией».

Ярко сравнение автором языка коммунистической газеты «Роте Фане» и нацистской «Фолькишер Беобахтер». Их «язык вражды» удивительно похож, начиная от «бандитов-убийц» и оканчивая «выродками». На этой ниве отлично поработал В. Клемперер, которого, кстати, никто в ревизионизме не обвиняет.

Э. Нольте разбирает проблему гражданской войны в Испании и утверждает, что «слухи о прибытии советских кораблей с оружием для захвата власти большевистскими силами, по мнению участников тех событий, были существенным мотивом, повлекшим бунт испанской армии... 1936 года... Утверждения о вовлеченности Гитлера в эти приготовления не иссякают и по сей день. Первое – ложно, второе – в высшей степени невероятно. Испанская гражданская война выросла из испанских корней»²³. Соглашаясь с последним утверждением, невозможно согласиться с тем, что не было «вовлеченности» нацистов. Существуют документы, которые утверждают обратное. Невозможно отрицать вме-

²¹ Там же. – С. 84.

²² Там же. – С. 94.

²³ Там же. – С. 182.

шательство нацистов в дела Испании, тем более, в 1936 г. Кстати сказать – известно и об участии большевистской разведки в политике Народного фронта.

Э. Нольте пишет о репрессиях в СССР 1937–1938 гг., которые были также направлены против нацменьшинств. «Поразительное число жертв повлекла за собой чистка среди евреев, латышей, поляков, и других национальностей... польская Компартия была целиком ликвидирована»²⁴. Тут бы ему и добавить: таким образом, Гитлер мог перестать бояться Сталина, а видеть в нем естественного союзника, что и переросло потом в договор 1939 г. Однако Нольте молчит. Что странно – Нольте молчит и о тогдашних репрессиях против немцев в СССР, что не могло пройти незамеченным для Берлина, как я уже упоминал.

Особенно важно в этом контексте – тогдашний договор Молотова–Риббентропа. О том, что В. Молотов направлял поздравления Гитлеру по поводу взятия Варшавы, а 31 октября и вообще в своей речи «с гордостью подчеркивал, что “два удара, быстро нанесенных сначала германским Вермахтом, а затем Красной армией” ничего более не оставило от этого “уродливого продукта Версальского договора”»²⁵.

Крайне интересный факт – во время пребывания в Берлине в ноябре 1940-го (год уже идет Вторая мировая война!) Молотов также посетил и Рудольфа Гесса, «причем речь на встрече должна была идти о вопросах организации обеих партий. Если верить сообщениям, единственное, что обсуждалось тогда, был “диалог на высшем уровне”, который должен был состояться между ВКП(б) и НСДАП»²⁶. Очень интересно это в контексте неожиданного отлета Р. Гесса в Англию и пожизненного заключения в тюрьме Шпандау после войны. Что же знал Гесс о возможном тесном сотрудничестве между двумя партиями?

Наиболее важно сообщение историка о том, что осенью 1943 года «Москва на дипломатическом уровне начала искать возможности подписания сепаратного мира»²⁷. Условиями были: «...обеспечить существование Германии в границах 1939 года с восстановленным СССР»²⁸. Думаю, что архивы России не дадут нам возможность опровергнуть данное утверждение. Однако надеюсь на то, что на Западе существуют

²⁴ Там же. – С. 204.

²⁵ Там же. – С. 236.

²⁶ Там же. – С. 302.

²⁷ Там же. – С. 416.

²⁸ Там же.

какие-либо данные, подтверждающие это или опровергающие. Нольте ссылается на работы Петера Клейста «Между Гитлером и Сталиным»²⁹, а также Ингеборг Фляйшхауэр «Шансы на сепаратный мир. Тайные немецко-советские переговоры в 1941–1945 гг.»³⁰.

Сравнивая аппараты насилия в нацистской Германии и в СССР, автор пишет: «Насколько тоталитарной казалась в 1939 Германия по сравнению с Англией и Францией, настолько либеральной она могла представляться для каждого, кто мог позволить себе подлинное сравнение с ситуацией в СССР»³¹. Сравнения, которые делают узники ГУЛАГа и нацистских лагерей Карл Альбрехт, Маргарет Бубер-Нойман, далеко не в пользу СССР.

Однако нужно здесь добавить – режим Гитлера начался с 1933, таким образом, режим в СССР уже был основательнее. Если же попробовать сравнить по прошествии шести лет, с 1920-ми годами, то Советская Россия еще не была тогда настолько тоталитарной. Особенно при НЭПе.

Когда Э. Нольте приводит примеры большей независимости судей в Германии, в отличие от СССР, всегда можно вспомнить о различных культурных традициях этих стран. Тем не менее, подобные примеры важны. «...В Германии до самого начала войны и даже после него имела возможность поразительных судебных приговоров. Так, даже в мае 1935 года была одобрена оспоримость решений гестапо. И в том же году произошел так называемый “хонштейнский процесс” против оберштурмбанфюрера СА Енихена и 22 обвиняемых вместе с ним – за дурное обращение с узниками концлагеря Хонштейн весной 1933 года. Несмотря на мощное давление партии, были вынесены суровые приговоры к тюремному заключению. Впоследствии обоих судебных заседателей исключили из НСДАП, а Гитлер отменил присужденные наказания уже в ноябре 1935 года...»³².

Э. Нольте неплохо пишет о различиях между коммунизмом и нацизмом: «...речь шла о радикальном противостоянии “интеллектуализму” в воспитании, который Гитлер рассматривал как несомненный продукт “еврейского разложения” и который на самом деле являлся одновре-

²⁹ Kleist P. Zwischen Hitler und Stalin, 1939–1945. – Bonn: Athenäum Verlag, 1950. – 338 S.

³⁰ Fleischhauer I. Die Chance des Sonderfriedens: Deutsch-sowjetische Geheimgespräche 1941–1945. – Berlin: Siedler Verlag, 1986.

³¹ Нольте Э. Указ. соч. – С. 328.

³² Там же. – С. 402.

менно следствием и предпосылкой современного развития. Поэтому Ленин был несравнимо более современен в своем стремлении вдолбить комсомолу желание “Учиться, учиться и еще раз учиться”³³. Здесь, на мой взгляд, Нольте совершенно прав. Именно это отличие является одним из важнейших. До самого конца СССР коммунистическая партия старательно поддерживала идею интеллектуальности коммунистов. Однако нельзя не вспомнить в этом контексте бесконечные спартакиады и «Зарницы» – кто у кого перенял? На мой взгляд, подобные спортивные увлечения Россия заимствовала из Германии.

И при этом – отношение к детям в тогдашнем СССР: «До 1929 года ст. 12 была сформулирована так, что она делала возможной смертную казнь даже для детей моложе 12 лет, и притом за воровство. Очевидно, эта статья была направлена против “беспризорных”... детей, часть которых собиралась в воровские шайки, эта статья позволяет всерьез относиться к утверждениям о том, будто ГПУ ликвидировало многие тысячи таких детей в административном порядке»³⁴.

И отсюда – к мотивам слабого вооруженного сопротивления евреев (и не только евреев, на территории оккупированного СССР). Сами эсэсовцы объясняли отсутствие сопротивления со стороны евреев двадцатилетним террором НКВД.

Поэтому, как это ни парадоксально, считаем необходимым закончить цитатой из послесловия Нольте: «...не вводящее в обман свидетельство о начале подлинного мирного сосуществования появится лишь тогда, когда в СССР будут читаться и свободно излагаться такие книги, как «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына или же научные исследования, вызванные к жизни не народно-педагогическими целями, а вопросом об истине»³⁵.

³³ Там же. – С. 356.

³⁴ Там же. – С. 398.

³⁵ Там же. – С. 512.